

И. КАЗЛАУСКАС

О БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ ФОРМЕ ДАТЕЛЬНОГО ПАД. МН. И ДВ. Ч.

Решение вопроса тождественности или нетождественности формантов дательного пад. мн. ч. балтийских и славянских языков очень запутано. Если формант дательного падежа мн. ч. *-tus* в литовском языке как будто не может вызвать сомнений в его тождественности со сл. *-mъ*, то прусский язык обладает формантами *-mas* и *-mans*, которые своими гласными, стоящими после согласного *-m-*, **ЯВНО** отличаются от того же форманта литовского языка. Не без основания почти 70 лет тому назад Я. Эндзелин писал: „Итакъ, мы находимъ въ балтийскихъ языкахъ въ окончании dat. pl. (лит.) *-tus* рядом съ (пр.) *-mas* (какой гласный выпалъ между *m* и *s* въ старолат. *-ms*, не может быть установлено), а съ лит. *-tus* вероятно тождественно праслав. *-mъ*“¹. И далее: „Возводя же въ dat. pl. *-mъ* къ *-mos* ради сближения его с пр. *-mas* и (относительно вокализма) скр. *-bhyas*, старо-латинск. *-bos* и старокельт. *-βo*, мы ничего не выиграемъ, пока не доказано, что *u* в лит. *-tus* можетъ и не восходить к иде. *u*“². Немного иначе по этому вопросу писал А. Мейе: „Признаком дательного падежа является *-mъ*, где конечное *-ъ* неясно: окончание *-tus* дательного падежа множественного числа в древнелитовском языке заставляет думать о древнем **-tus*, тогда как скр. *-bhyah* (ср. лат. *-bus*) скорее заставляет предполагать древнее *-mos*“³. Отличие в гласном форманта дательного падежа лит. *-tus*, сл. *-mъ*, с одной стороны, и прусск. *-mas*, *-mans*, кельтск. - лат. - вен. - месап. - *bhos*, арийск. *-bhios*, с другой стороны, признавались и многими другими учеными⁴.

Между тем прилагались и отчаянные усилия возвести указанные форманты балтийских и славянских языков к единому прототипу. Мы упомянем здесь только некоторые из них, а именно те, в которых, как в фокусе, отражается все разнообразие попыток возвести рассматриваемые форманты к одно-

¹ И. Эндзелинъ, Славяно-балтийские этюды, Харьковъ, 1911, 155.

² Там же, 157.

³ А. Мейе, Общеславянский язык, Москва, 1951, 316.

⁴ Ср. хотя бы W. Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954.

му. Так, Э. Бернекер недостаточно доказательно полагал, что *-mas* было изменено в *-tus* под влиянием винительного пад. мн. ч. на *-us*⁵. В свое время его мнение пользовалось поддержкой К. Бругмана и А. Мейе⁶. А Вайан полагает, что прусский *-mas* является новообразованием, возникшим путем контаминации окончаний дат. пад. мн. ч. *-tus* и дат. пад. дв. ч. *-ma*⁷. Почему-то не упомянув, кажется, очень простого объяснения А. Вайана, в последнее время В. Мажюлис⁸ выдвинул интересную, но довольно сложную гипотезу, по которой прусск. *-mans*, лит. *-tus* возводятся к **-mōns*, сл. *-mъ* к **-mōn*, а прусск. *-mas* — к дат. пад. дв. ч. *-ma* (<**-mō*), расширенному „плюральной“ *-s*⁹. Мы не будем здесь вдаваться в детали данной гипотезы, разыскиванием ее слабых сторон, так как все это должно стать ясным из нижеследующего нашего объяснения балтийских и славянских формантов дательного пад. мн. ч. Однако уже лишь реконструкция вокализма в форманте дательного пад. мн. ч. балтийских и славянских языков, отличающегося от вокализма в форманте этого же падежа других индоевропейских языков, не говорит в пользу указанной гипотезы.

Нам кажется, что правильному решению вопроса о вокализме балто-славянских формантов дательного пад. мн. ч. мешает статический взгляд на лит. *-tus*, с одной стороны, и вера в незыблемость фонетических законов, не знающих исключений, с другой стороны. При исследовании этого вопроса до сих пор недостаточно принимается во внимание то, что форма дательного пад. мн. ч. в литовском языке сокращалась (*-tus* > *-ms*), причем начало этого сокращения восходит к сравнительно ранней эпохе. Ведь в письменных памятниках XVI в. оно уже явно фиксируется, хотя и не во всех их данное сокращение находится на одинаковом уровне развития. Например, в трудах Б. Вилентаса, И. Бреткунаса, в „*Margarita Theologica*“¹⁰, т.е. в трудах представителей более западных говоров литовского языка, полная форма дательного пад. мн. ч. на *-tus* сохранилось лишь в скудном виде. Сокращенная форма на *-ms* (<*-tus*) встречается уже во всех письменных памятниках XVI в., хотя там же очень часто употребляется еще полная форма на *-tus*. Имея в виду очень медленные темпы развития литовского языка, начало сокращения рассматриваемой формы следует отнести к довольно отдаленному

⁵ E. Berneker, *Die preussische Sprache*, Strassburg, 1896, 196 и сл.

⁶ См. об этом И. Эндзелинъ, *Славяно-балтийские этюды*, 154. См. также сноску 3.

⁷ A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, II, Lyon—Paris, 1958, 37—38.

⁸ В. Мажюлис, К балто-славянской форме датива (мн. и дв. ч.), *Baltistica*, II (1), 1966, 43—53.

⁹ Это объяснение прусск. *-mas* чем-то напоминает указанное выше объяснение А. Вайана.

¹⁰ То же в „Псалтырях“ И. Резы.

предысторическому времени. Данное сокращение является фонетико-морфологическим явлением. После того, как ударение в дательном падеже мн. ч. перенеслось с конечного слога на предпоследний¹¹, конечный слог стал всегда неударным. Всегда неударный гласный *u* в окончании формы, чаще всего многосложной (т.е. более чем двусложной) и имеющей одним слогом больше, чем многие другие падежные формы, в условиях динамического ударения исчез¹². Однако исчезновение всякого гласного обычно происходит не внезапно, а постепенно: в первую очередь гласный ослабляется, редуцируется и только потом исчезает окончательно. Возможно, что те древние письменные памятники литовского языка, где форма дат. пад. мн. ч. на *-mus* еще преобладает, но наряду с ней существует уже и форма на *-ms*, отражают как раз то положение, когда в конечном элементе *-mus* выговаривался редуцированный *u* — > (*ʊ*), который мог уже и опускаться. Такой редуцированный *u* мог возникнуть из гласного *o* или *ǎ*, так как последние при редукции могут легко развиваться в гласный *-u* (*-ʊ*), ср. лит. диал. им. пад. ед. ч. *vilkʊs* < *vilkǎs*, ст.-сл. *vľkʊ* (*-ʊ* < *-os*) и др. Таким образом, литовский формант дат. пад. мн. ч. *-mus* может восходить к *-mǎs*. Это было бы особенно понятно, если принять, что в балтийских языках вместо современного гласного *a* когда-то существовал гласный *ǎ* (*o*), о чем говорят некоторые факты¹³. Но если даже традиционно постулировать для более раннего периода балтийских языков гласный *a* (не *ǎ*), то лабиализация всегда неударного краткого гласного *a*, следующего после лабиального согласного *m*, при редукции тоже является довольно понятным явлением. Распространение признака лабиальности на последующие нелабиальные звуки в литовском языке в отдельных случаях встречается даже при отсутствии редукции гласного, ср. диал. *piovė* < *piavė* и др. Следовательно, ничто не мешает гласный *-u* в литовском форманте *-mus* возвести к *ǎ* или к *a*, а самый формант *-mus* возвести к доисторическому *-mas* (< *-mos*). Если для определенного периода литовского языка можно предполагать формант *-mas* (< *-mos*) и в прусском языке встречаем форму дательного пад. мн. ч. на *-mas* (< *-mos*), то элемент *-ms* в форме дательного пад. мн. ч. латышского языка, гласный которого не засвидетельствован ни в древ-

¹¹ J. Kazlauskas, *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, Vilnius, 1968, 167 t.

¹² О развитии динамического ударения см. нашу статью „Fonologinė baltų kalbų kirčio raidos interpretacija. — *Baltistica*, II (2), III (1). Мы не будем здесь повторять то, что пишем об исчезновении гласного *e* в сходных условиях в статье „О некоторых архаизмах в им. пад. мн. ч. основ на *-u* и на *-i* балтийских языков, — *Lingua Posnaniensis* (в печати).

¹³ См. нашу статью „К развитию общебалтийской системы гласных“, ВЯ, 1962, № 4. Вряд ли начало редукции в окончании дат. пад. мн. ч. можно перенести в ту эпоху, когда в балтийских языках могли различаться краткие *o* и *a*. Это, видимо, было бы некорректно по хронологическим причинам.

ней письменности, ни в говорах латышского языка, должен восходить к *-*mos*. В таком случае и сл. *-mъ* восходит не к *-mus*, а к *-mos* (развитие *-ъ* из *-os* в славянских языках является понятным¹⁴). Следовательно, для балто-славянской диалектной области можно предполагать форму дательного пад. мн. ч. на *-mos*.

Следует остановиться еще на соотношении формантов *-mas* и *-mans* в прусском языке, хотя вышесказанное уже предопределяет то, которое из этих двух окончаний является архаизмом и которое новообразованием. В письменных памятниках прусского языка, отражающих исчезнувший прусский язык очень скудно, формант *-mas* наряду с *-mans* встречается только в личных местоимениях (*noĩmas* „нам“, *ioĩmas* „вам“), а формант *-mans* — в других частях речи. Если такое распределение рассматриваемых формантов действительно существовало и в самом прусском языке, то сохранение древней формы на *-mas* только в личных местоимениях следует объяснить тем, что ввиду своеобразия склонения личных местоимений (супплетивности и др.) они могут сохранить определенные архаизмы и их склонение может отличаться от склонения других частей речи (ср. склонение личных местоимений в говорах литовского языка, сильно отличающееся от склонения других частей речи). Вопрос, как образовался формант *-mans* в прусском языке, является очень сложным. Некоторые исследователи считали, что он образовался от форманта *-mas* под влиянием окончания *-ans* винительного пад. мн. ч.¹⁵, так как в прусских памятниках имеют место случаи употребления винительного падежа в качестве дательного и родительного, но, видимо, их следует приписать переводчику, а не прусскому языку¹⁶. Поэтому скорее всего формант *-mans* сформировался иначе. Нам кажется, что для прусского языка можно предполагать формант дательного пад. дв. ч. *-man* (< **-mān*, ср. др.-инд. *-bhyām*). Что прусский язык в данном случае мог стоять ближе к древнеиндийскому, чем к другим балтийским и славянским языкам, не может вызывать удивления, ср. прусск. род. пад. ед. ч. *deiwas* < **deiwasja*, др.-инд. *devasya* и восточн.-балт. **deivā*, ст.-сл. *vlъka*; прусск. *stesmu* „тому“, др.-инд. *tasmāi* и восточн.-балт. *tam-*, ст.-сл. *tomъ* и др. Под влиянием формы дательного пад. дв. ч. на *-man* форма дат. пад. мн. ч. на *-mas* могла превратиться в *-mans*. Сходное влияние форм двойственного числа на формы множественно-

¹⁴ См. хотя бы П. С. Кузнецов, Очерки по морфологии прославянского языка, Москва, 1961, 64.

¹⁵ См. об этом И. Эндзелинъ, Славяно-балтийские этюды, 154; A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, II, 36 и сл. Позже Я. Эндзелин обоснованно возражал против этого предположения, см. J. Endzelin, Altpreußische Grammatik, 81.

¹⁶ См. R. Trautmann, Die altpreußischen Sprachdenkmäler, Göttingen, 1910, 210; J. Endzelin, Altpreußische Grammatik, 81.

го числа или форм множественного числа на формы двойственного числа в балтийских языках является известным, ср. хотя бы лит. диал. вин. пад. мн. ч. *kárvis* (<вин. пад. дв. ч. *karvi + s*) и др.¹⁷.

Возведению лит. *-mus* к *-mas* (<*-*mos*) с первого взгляда как будто противоречит реликтовая форма дат. пад. дв. ч. на *-ma* (ср. *akima*), где имеется *-ma*, а не *-mi*¹⁸. Однако, как свидетельствуют славянские языки, имеющие в дат.-твор. падеже дв. ч. *-ma*, элемент *-ma* восходит не к **-mō*, а, по всей вероятности, к **-ma*¹⁹ ср. др.-инд. *-bhyām*, так как *-mā* в твор. пад. дв. ч. литовского языка восходит только к **-mā*. Кроме того, в творительном падеже дв. ч. элемент *-ma* носил ударение, а это тоже способствовало сохранению в нем гласного *a*.

Таким образом, балто-славянская диалектная область гласным *o* в форманте дательного падежа множественного числа ничем не отличается от остальной индоевропейской диалектной области. Одним и тем же гласным, только долгим *ā* должен был обладать и формант дательного пад. дв. ч. в балтийских, славянских и индоиранских языках.

Все сказанное выше, нам кажется, позволяет думать, что германскую форму на *-mz* (ср. формы, представленные в древнейших исландских и норвежских рукописях *tueimr* „двум“, *þrimr*, *þremr* „трём“²⁰), вероятнее следует возвести к *-maz* (**-mōs*), чем к *-miz*. Это вероятнее еще и потому, что Р. Лёве доказал, что в германском дательном пад. дв. ч. было окончание, которое начиналось на *-m* и оканчивалось непременным гласным (без *s*)²¹.

¹⁷ См. J. Kazlauskas, *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, 129.

¹⁸ *-mi* вместо *-ma* возникло под влиянием форманта мн. ч. *-mus*, см. P. Arumaа, *Untersuchungen zur Geschichte der litauischen Personalpronomina*, Tartu, 1933, 77 и сл.

¹⁹ Из последних работ см. A. Vaillant, *упом. соч.*, 19.

²⁰ A. Noreen, *Altnordische Grammatik*, 304 и сл.

²¹ R. Loeue, — *KZ XLVIII*, 76t; V. Pisani, *Geolinguistica e Indoeuropeo*, Roma, 1940, 206.